

УДК 811.133.1'373.45 + 811.124'373.6

Д. В. Спиридонов

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)

dmitri.v.spiridonov@gmail.com

**О ПУТЯХ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФР. *ÉPIGONE*
'ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ, ПОДРАЖАТЕЛЬ'
(в дополнение к статье Э. Дюпраза и С. Леруа)**

К л ю ч е в ы е с л о в а: французский язык, деоним, лексикализация, межъязыковой перенос, лексическое заимствование, семантическое заимствование.

В статье подробно рассматривается история французского слова *épigone* 'последователь, подражатель', а также общие вопросы историко-этимологического описания французских отономастических дериватов, восходящих к «античным онимам». Показано, что для такого рода лексики часто можно предполагать несколько параллельных путей лексикализации, при этом семантическое развитие значения деонима может происходить путем как прямых, так обратных семантических заимствований между интенсивно контактирующими живыми языками.

Как справедливо подчеркивают Э. Дюпраз и С. Леруа, апеллятивные производные греко-латинских онимов, многие из которых относятся к так называемой интернациональной лексике, представляют определенную трудность с точки зрения их этимологизации. С одной стороны, для каждого такого слова известен латинский или греческий этимон, с другой — очень непросто установить ближайшую этимологию — время и пути проникновения имени с апеллятивным значением в современные языки (регулярное отсутствие этих данных в этимоло-

© Спиридонов Д. В., 2012

Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13)

логических словарях как раз и бросается в глаза). В свою очередь, попытка проследить пути лексикализации слова в языке требует анализа текстуальных свидетельств, что не всегда легко сделать. Так, во французский язык значительная часть слов из списка, приводимого в работе Э. Дюпраза и С. Леруа, попала в XVII–XVIII вв. на волне интереса к античной культуре и истории, при этом часть имен заимствовалась уже в качестве апеллятивов (по всей видимости, в силу существовавшей традиции такого их употребления в греческом или латинском языке; ср. контекст из Овидия в статье Э. Дюпраза и С. Леруа, где *taesenas* употреблено, очевидно, метафорически), часть же заимствовалась в качестве антропонимов, референциально связанных с персонажами античности, и развивала апеллятивные значения на почве собственно французского языка. Проблема в том, что источники этого времени, во-первых, малочисленны, а во-вторых, малодоступны, что затрудняет их изучение. В данной заметке речь пойдет о редком примере поздней лексикализации античного онима — слове *épigone* ‘последователь, подражатель’, фиксируемом во французском языке начиная со второй половины XIX в.

1. Этимология

Непосредственным этимоном слова считается греч. οἱ Ἐπίγονοι (букв. «потомки, рожденные после») [TLFi] — мифоним, именующий в греческой мифологии потомков царей, которые через десять лет после неудачного похода их отцов против Фив предприняли второй поход, в результате которого Фивы были разрушены. Этот миф воспроизведен в одноименных трагедиях Эсхила, Софокла, Астидаманта Младшего и других греческих авторов. В то же время существенно, что это имя имеет уже в греческом языке апеллятивные омонимы. Так, помимо потомков участников похода против Фив οἱ Ἐπίγονοι могло называть и какую-либо другую группу потомков (например, в античной традиции так же именовались потомки диадохов, полководцев Александра Македонского, разделивших после смерти царя его империю, и рожденные во время восточных походов Александра дети его солдат), а также отдельных людей: словари древнегреческого языка знают омонимичную апеллятивную лексему со значением ‘наследник, потомок’ [Liddell, Scott, 1883, 529; Дворецкий, 1958, 604]¹; в то же время

¹ Известны также египетские папирусы эллинистического периода, где эта лексема встречается при этнонимах в сочетаниях типа Πέρσης, τῆς ἐπίγονης ‘персы эпигона’. Одна из интерпретаций таких выражений заключается в том, что потомки иностранных легионеров, рожденные в Египте от местных женщин, составляли армейский резерв, который и получил название «эпигон»: «Каждый солдат, сообщая для официальных нужд свое имя, должен был указать свое происхождение (македонянин, фракиец и т. д.), а также принадлежит ли он регулярным войскам <...> или “эпигону”» [CPJ, 1, 13]. Согласно альтернативной версии, термин «эпигон» в таких сочетаниях «называет человека, не имеющего правительственного или военного статуса, и означает ‘гражданское’ или ‘частное лицо’» [Oates, 1963, 116].

в греческом (а затем и в римском) антропонимиконе существовало самостоятельное личное имя *Эпигон*². Таким образом, уже в языке-источнике слово не имеет однозначной референциальной «адресности»: оно «распадается» на несколько омонимичных лексем, занимающих разное положение на шкале «апеллятив — оним». Этот факт существенен, поскольку, как мы увидим далее, возведение фр. *épigone* ‘последователь, подражатель’ к названию покоривших Фивы потомков греческих героев не так однозначно.

2. Анализ контекстов

Э. Дюпраз и С. Леруа рассматривают, в сущности, два этапа процесса апеллятивизации такого рода лексики: а) заимствование имени из языка А в язык Б с сохранением его проприального статуса и исходной референции, б) апеллятивизацию имени в языке Б.

Что касается первого этапа, то в нашем случае необходимо говорить о параллельном проникновении нескольких онимов, произошедшем не позднее середины XVII в. Так, в «Большом историческом словаре» Луи Морери (1674) уже присутствуют как эпигоны-покорители Фив, так и Эпигон, принесший на рубеже II–III вв. в Рим монархианское учение, и Эпигон из Амбракии, математик и кифарист, изобретатель сорокаструнной кифары [Moréri, 1683, 1186–1187]. Упоминание о последнем встречается и ранее:

(1) <...> la Harpe est vne Epinette renuersée, à laquelle l'on peut accomoder vn clavier semblable à celuy de Clauecin, afin de faire seruir d'Epinette, comme font quelques Italiens, qui la nomment *Graue-cymbale*, & d'imiter l'*Epigone* d'Ambraciotte, ou le Simice, dont Vincent Galilée donne les figures à la 40, & 41 pages de ses Dialogues de la Musique <...арфа есть перевернутый спинет, к которому может быть устроена клавиатура, подобная клавишной, дабы использовать ее как спинет, как делают некоторые итальянцы, называющие ее *grave-cymbale*, и делать подобно *Эпигону* Амбракийскому или Симикию, коих изображения Винченцо Галилей приводит на страницах 40 и 41 своих «Диалогов о музыке»> (Mersenne M. Harmonie universelle, contenant la théorie et la pratique de la musique. Vol. 2. Paris, 1637. P. 170³).

Примерно к этому же времени относится и, по-видимому, первое и, надо полагать, весьма редкое независимое (т. е. не связанное с персонажами античности) употребление *Épigone* в проприальной функции: в 1659 г. в типографии Пьера Лами советник Людовика XIV аббат Мишель де Пюр публикует роман «*Épigone, histoire du siècle futur*» <Эпигон, история будущего века>, один из первых фантастических романов в истории литературы, рассказывающий о приключениях

² [LGPL] дает в качестве основной мужской формы 'Επίγονος и женской 'Επίγονη. Всего [LGPL] содержит 396 упоминаний различных форм этого имени.

³ Здесь и далее ссылки на источники, за исключением словарных, даются непосредственно после цитаты.

принца Эпигона в вымышленных мирах. Главный герой романа по сюжету является братом Хлодовея, короля, за именем которого скрывается, вероятнее всего, Людовик XIV. Выбор имени поэтому не случаен: оказавшись в изгнании, Эпигон должен совершить подвиги и тем самым продолжить славную историю королевской династии. В предисловии к роману автор приводит список слов, в том числе имен собственных, которые могут быть непонятны читателю; первым в этом списке значится: «*Épigone* postérité ou successeur» <Эпигон — следующее поколение или наследник> [Leibacher-Ouvrard, Maher, 2005, 45]. Однако на протяжении еще нескольких столетий это имя во французском языке не развивает интересующего нас апеллятивного значения.

Ко второй половине 1870-х гг., когда, по данным [TLFi], обнаруживаются первые фиксации *épigone* в значении 'последователь', во французском языке уже имелось несколько омонимичных терминов. Перечислим их:

*épigone*₁ 'разновидность сорокаструнной кифары или арфы'. Ср: «L'Épigone, instrument auquel on avait donné le nom de son inventeur, était monté de vingt doubles cordes que l'on attaquait sans plectrum» <Эпигон, инструмент, названный по имени своего изобретателя, имел двадцать двойных струн, которых касались без плектра> (L'Investigateur: journal de l'Institut historique, 1878, Т. 49. Р. 311). Словари этого времени предпочитают форму *épigoneion*, *épigonium* [Larousse, 1870, 711; Barré, 1881, 424]. Относительно датировки этой лексемы во французском языке точных данных нет⁴, в современных словарях она отсутствует;

*épigone*₂ 'эпигон, тонкая прозрачная оболочка зародыша спорофита у листостебельных мхов' [Larousse, 1870, 711]. Этот термин появился в середине 1830-х гг., изначально в немецком языке⁵. Во французском языке это слово является заимствованием, хотя, как и многие термины, оно мотивировано значением соответствующих греческих формантов (ср. немецкую кальку *Nachgeburt*, рус. *послед*);

⁴ Если только не трактовать *Épigone* в контексте (1) как апеллятивную единицу. Дело в том, что на страницах 40 и 41 своего «Диалога» Винченцо Галилей приводит изображения не изобретателей инструментов (как можно было бы заключить, прочитав этот фрагмент из трактата Мерсенна), а самих инструментов. Говоря о сорокаструнной кифаре, он употребляет термин *Epigonio*, а ее изобретателя называет *Epigono Ambraciota* (Dialogo di Vincentio Galilei nobile fiorentino della musica antica e della moderna. Fiorenza, 1581. Р. 40). Нельзя ли думать, что М. Мерсенн просто неправильно понял источник и не на это ли указывают, в частности, артикли перед соответствующими именами: *l'Épigone d'Ambraciotte, le Simice*?

⁵ В научный оборот этот термин ввел немецкий ботаник Готтлиб Вильгельм Бишофф (1797–1854), ср.: «C'est ici sans doute que le mot d'*épigone*, employé vaguement dès 1835 par Bischoff, en même temps qu'il créait celui d'*archégone*, retrouve son application la plus heureuse» <Несомненно, именно здесь находит свое счастливое применение слово *эпигон*, sporadически использованное Бишоффом с 1835 г., в то же время, когда он создал термин архегон> (Annales des sciences naturelles. Botanique, 1884, Т. 18. Р. 150).

*épigone*₃ известен нам лишь по одному лексикографическому источнику: «T. de pharm. On a appelé ainsi un emplâtre vert, du nom de son inventeur. Il est inusité» <Термин фармакологии. Так называли зеленый пластырь, по имени его изобретателя. Более неупотребительно> [Laveaux, 1820, 744].

Как видно, все эти единицы относятся к специальной лексике, сфера их использования была крайне ограничена. Этимологически они разнородны, при этом семантически ни одна из них не могла развить значение ‘последователь’. Первые лексикографические фиксации омонимичной лексемы с этим значением — обозначим ее *épigone*₄ — датируются 1886 г.:

Épignes, s. m. pl. Successeurs; ant. <Эпигоны, сущ. м.р. Наследники, антич.> [Morandini d'Eccatage, 1886, 440].

Épigne. <...> Fig. Ceux qui forment la seconde génération dans un parti, dans une opinion, etc. <Эпигон... Фигур. Те, кто образуют второе поколение в какой-либо партии, общественной группе и т. п.> [Littré, 1886, 140].

Формы множественного числа заставляют думать, что прототипическим референтом этой лексемы были греческие покорители Фив или, что, во всяком случае, эта лексема является дериватом слова, называющего группу людей. Примечательно, однако, что до этого времени мы не встречаем каких-либо текстуальных свидетельств, в которых бы упоминание разрушивших Фивы греческих героев хоть как-то подготавливало появление этой лексемы⁶. Эта «неожиданность» возникновения *épigone*₄, а также характер первых документальных фиксаций этой лексемы убеждают в том, что речь должна идти о семантическом заимствовании, по всей видимости, как и в случае с *épigone*₂, из немецкого языка.

⁶ Единственный известный нам более ранний контекст, в котором встречается интересующее нас слово, относится к 1860 г., но он отражает не столько процесс деонимизации, сколько процесс адаптации заимствуемого греческого апеллатива: «Casaubon <...> avait quelque chose d'arriéré pour son temps, de définitivement exquis et mûr; sur son front se jouait une teinte douce du passé, ardente encore, mais mûrie, comme celle du raisin très avancé ou des beaux feuillages rougeâtres de l'automne; il sentit son antiquité, tout en gardant sa sève; et le mot *Épigne*, que de son temps tout le monde aurait compris, lui convenait amer» <В Казобоне <...> было что-то отсталое для его времени, что-то решительно изысканное и зрелое; лоб его был оттенен цветом прошлого, еще горячим, но уже отжившим, подобно цветку перезревшего винограда или прекрасной красноватой осенней листвы; он ощущал свою древность, по-прежнему сохраняя жизненные соки; и слово *Эпигон*, каковое в его время понял бы всякий, с горечью подходило ему> (Journal des débats politiques et littéraires, 26 août 1860. P. 3). Думается, что *épigne* здесь — не французское, а еще греческое слово, своего рода филологический изыск, едва ли понятный неподготовленному читателю, однако вполне уместный в статье о знаменитом швейцарском эрудите. Очевидно, что эта номинация мотивирована не образом героев греческой мифологии, а внутренней формой греческого слова, не имеющего в данном контексте связи с мифом или каким-либо конкретным лицом, носившим имя *Эпигон*. Автор этой статьи — замечательный филолог Филарет Шаль (1799–1873), имевший особое пристрастие к употреблению греческих и латинских слов в своих текстах.

Между 1876 и 1879 гг. во французских источниках нами обнаружено всего четыре случая употребления этого слова⁷:

(2) Il faut se garder, du reste, je l'ai déjà dit dans un article précédent, de confondre Tocqville avec les doctrinaires, et surtout avec les *épigones* du doctrinarisme, les conservateurs de notre temps <В остальном же, как я уже говорил в одной из предыдущих статей, не следует путать Токвиля с доктринерами и, в особенности, с *последователями* доктринализма, нынешними консерваторами> (Le Temps, 17 août 1876. P. 3) — документальная фиксация, упоминаемая в [TLFi] вслед за [Littré, 1886, 140] как первая.

(3) Cette famille romaine était devenue célèbre dans l'histoire de la ville par le sort qu'avait éprouvé Stefano, cet *Épigone* de Cola di Renzo <Эта римская семья прославила себя в истории города благодаря судьбе Стефано, этого *продолжателя* Кола ди Ренцо>⁸ (Gregorovius F. Lucrece Borgia: d'après les documents originaux et les correspondances contemporaines. T. 1. Paris, 1876. P. 234).

(4) A la limite de l'âge apostolique, il [Clément Romain] fut come un apôtre, un *épigone* de la grande génération des disciples de Jésus, une des colonnes de cette Église de Rome, qui <...> devenait de plus en plus le centre du christianisme <На рубеже апостольского века он [Клемент Римский] был словно апостол, *продолжатель* великого поколения учеников Христа, одной из колонн той Римской Церкви, что <...> все больше становилась центром христианства> (Renan E. Histoire des origines du christianisme. T. 5 : Les évangiles et la seconde génération chrétienne. Paris, 1877. P. 312–313).

(5) Des deux champions de la tendance matérialiste, l'un était un *épigone* de la philosophie de la nature; l'autre un ex-régent de l'empire, c'est-à-dire un idéaliste désespéré <Из двух главных представителей материалистического направления один был *последователем* натуралистической философии, другой — бывшим регентом империи, т. е. безнадежным идеалистом> (Lange F. A. Histoire du matérialisme et critique de son importance à notre époque. T. 2. Paris, 1879. P. 107).

Контекст (3) заимствован из французского перевода книги немецкого историка Фердинанда Грегоровиуса (1821–1891), переводчик Поль Реньо, пишущий *Épigone* с заглавной буквы, всего лишь транслитерирует немецкое слово *Epigone* (ср.: Gregorovius F. Lucrezia Borgia: Nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit. Stuttgart, 1875. S. 127). Контекст (5) также является переводом опубликованной в 1866 г. книги немецкого философа Фридриха-Альберта Ланге (1827–1875), а выражение «*épigone de la philosophie de la nature*» — калькой с немецкого «*ein Epigone der Naturphilosophie*» (Lange F.-A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Leipzig, 1905. S. 121). Контекст (2) заимствован из статьи Эдмонда Шерера (1815–1889), франко-швейцарского

⁷ При поиске использовались электронные фонды Национальной библиотеки Франции: <http://gallica.bnf.fr>

⁸ Речь идет о Стефано Поркари, римском политическом и общественном деятеле первой половины XV в., намеревавшемся поднять бунт против папы Николая V и провозгласить себя трибуном, подобно тому, как в 1347 г. Кола ди Ренцо в ходе восстания пополанов объявил Рим народной республикой (тем самым лишив папу светской власти), а себя — «трибуном свободы, мира и справедливости».

филолога, теолога и политического деятеля, учившегося в Страсбурге, затем работавшего в Женеве и, конечно, прекрасно знавшего немецкий язык. Что касается цитаты из Эрнеста Ренана (4), то тут сложно сказать, является ли в данном случае *épigone* заимствованием из немецкого или непосредственно из греческого, поскольку обоими языками Ренан хорошо владел, влияние немецкого все же вполне вероятно⁹.

Германия в это время была признанным европейским центром изучения античности¹⁰, что делало именно немецкий предпочтительным посредником между греческим и любым другим европейским языком. И в данном случае деонимизация, очевидно, произошла на почве немецкого языка намного раньше¹¹. Она, в частности, проявилась в названии известного в ту пору романа Карла Иммермана (1796–1840) «Эпигоны» (1835). На французский язык этот роман в то время не переводился [Reynaud, 1922, 214], однако между 1835 и 1876 гг. он неоднократно упоминался во французской критике (Encycl. des gens du monde, Т. 14. Paris, 1840. P. 511; *Blaze H. Ecrivains et poètes de l'Allemagne*. Paris, 1846. P. 341–342; *Rev. germanique*, Т. 7. 1859. P. 349–351; и др.). Важно, что «эпигонами» в романе Иммермана называются отнюдь не греческие покорители Фив, хотя отсылка к одноименным трагедиям на мифологический сюжет здесь вполне очевидна, а современные наследники старого дворянства, изживаемого новой буржуазией. Главный герой романа Герман едет к дяде фабриканту, но по дороге встречается с герцогом, другом своего покойного отца. Герцог принадлежит к старшей линии рода, поместья же младшей линии из-за расточительности ее представителей уже перешли в руки фабриканта. Мотив наследства, отраженный в заглавии, развит в романе в сюжете борьбы за собственность, которая у Иммермана облечена в «немецкую мистифицирующую форму зависимости от воли предков: существует письмо, от которого зависит решение спорного вопроса о правах герцога на землю, и обе стороны стремятся это письмо найти» [ИНЛ, 3, 329]. Герман, далекий как от революционных метаний, так и от коммерческой деятельности нового социального класса, должен исполнить родовой долг, понимаемый одно-

⁹ В «Тетрадах молодости» Ренан рассуждает об идеальной свободе выражения и богатстве языка и пишет: «Греческий и немецкий, благодаря свойственному им словосложению, воплощают для меня некоторые черты этого идеала» (*Renan E. Cahiers de jeunesse*, 1845–1846. Paris, 1906. P. 411). О многочисленных окказиональных кальках с немецкого в языке Ренана см.: [Guisan, 1962, 27].

¹⁰ Лидерство Германии в этой области было для всех несомненным фактом. Уже упоминавшийся Эдмонд Шерер в одной из работ жалуется на низкий уровень классической филологии во Франции и, подтверждая мысль о плохом освоении греческого и латыни французскими школьниками, приводит статистику, собранную Фредериком Дюбнером, говоря: «Г-н Дюбнер <...> является выдающимся эллинистом, таким, каких способна еще рождать одна лишь Германия» (*Scherer E. Études critiques sur la littérature contemporaine*. Paris, 1863. P. 367).

¹¹ [DWDS] датирует эту лексему XVIII в., трактуя ее, правда, как французское заимствование, что, как мы понимаем, едва ли возможно.

временно и как определенный тип должного социального поведения. Автор обзора в «Revue germanique» приводит перевод цитаты из романа, в которой хорошо видно происходившее на почве немецкого языка смещение значения от проприального (с референцией к персонажам греческого мифа) к апеллятивному:

(6) «Nous sommes des *Épignes*, et nous portons les charges attachées à toute descendance et à tout héritage» <Мы *Эпигоны*, и мы несем бремя, каковое сопровождает всякое потомство и всякое наследство> (Rev. germanique, T. 7. 1859. P. 349).

После Иммермана нем. *Epigonen* (форма множественного числа для рассматриваемого деонима, очевидно, первична) имело своеобразный общественно-политический оттенок, хорошо различимый в контексте (4): говоря об «эпигонах доктринаризма» Шерер мог непосредственно намекать на роман Иммермана, с той лишь разницей, что Иммерман вполне сочувственно относился к аристократии, тогда как либерал Шерер вряд ли мог разделять это сочувствие. Однако эти общественно-политические коннотации были, по всей вероятности, неустойчивыми уже в немецком языке: переводные контексты (3, 5) убеждают в том, что слово к 1860-м гг. употреблялось в нейтральном значении 'продолжатель, последователь'¹². Во французских источниках 1880–1890-х гг. также преобладают нейтральные и мелиоративные употребления, ср.:

(7) Dans le discours qu'il prononça sur le cercueil du Président de la Chambre, Perrot, le directeur de l'École normale, rappelait l'amitié que Bersot avait témoigné à Burdeau et, par le fait, Burdeau fut, en quelque façon, un *épigone* de Bersot <В речи, которую он произнес над гробом Председателя палаты, Перро, директор Эколь нормаль, напомнил о дружеских чувствах, которые Берсо выказывал Бюрдо, и, действительно, Бюрдо стал в некотором смысле *продолжателем* Берсо> (Drumont E. Les tréteaux du succès. Les héros et les pitres. Paris, 1900. P. 256).

(8) Alcide Touzez, le continuateur de Brunet; Lassagne, l'*épigone* d'Odry; Geoffroy, <...> qui ne jouait pas ses rôles, mais les vivait... <Альсид Тузе, продолжатель Брюне; Лассанж, *наследник* Одри; Жеффруа... не игравший, но проживавший свои роли> (Le Figaro. Suppl. litt. 6 avril 1895. P. 54).

Определенную роль здесь, вероятно, играло греческое происхождение слова, придававшее величественность этой номинации и предполагавшее определенные достоинства у человека, называемого «эпигоном». По этой же причине *épigone*₄ могло употребляться в ироническом смысле, сталкивающим, например, благородное происхождение персоны и ее неспособность быть достойным продолжателем дела предка. Ср.:

¹² Это, в частности, опровергает ошибочное представление о том, что негативные коннотации у слова «эпигон» возникают под влиянием романа Иммермана, ср.: «Именно через роман Иммермана это слово приобретает свое пейоративное значение, начиная обозначать подражательное, непродуктивное поколение, стоящее ниже предшествующего» [CHGL, 298]. В данном случае это замечание вызвано несколько тенденциозной интерпретацией романа и общественной позиции его автора.

(9) Ce désaveu tardif du premier Bonaparte n'empêcha pas son *épigone*, le triste sire de Sedan de livrer, après 1859, les fournitures de l'armée, non pas même à des spéculateurs adjudicataires, mais à un concessionnaire <Этот запоздалый отказ первого Бонапарта не помешал его *наследнику*, печальному сиру Седана [имеется в виду проигравший битву при Седане Наполеон III. — Д. С.] передать после 1859 г. снабжение армии даже не торговцам-спекулянтам, а какому-то концессионеру> (Rev. du Mouvement social et économique, fév. 1883-janv. 1884. P. 528, note).

Несколько позже происходит развитие значения 'последователь' → 'подражатель', актуализирующее «вторичность», несамостоятельность, неоригинальность продолжателя. Такие употребления *épigone*₄ изначально встречаются почти исключительно в текстах критиков и историков искусства, что, по всей видимости, объясняется спецификой художественного процесса конца XIX в., мыслящего повторение как творческое бессилие. Ср.:

(10) On sentira, je pense, dans ces pages, le jeune contemporain de Lamartine, de Vigny, de Brizeux et de Barbier, pour ne parler que des morts et de ceux que j'ai connus et aimés. Nous sommes bien loin de tout cela maintenant. Pour ma part, je me fais l'effet d'un attardé, d'un *épigone*. Pourvu que je n'aie pas l'air d'un revenant! <Я думаю, на этих страницах мы ощутим присутствие молодого современника Ламартина, Виньи, Бризе и Барбье, если называть лишь умерших и тех, кого я знал и любил. Я же их запоздалый отзвук, *эпигон*. Только бы не превратиться вовсе в привидение!> (Grenier, цит. по: Lemaître J. Les contemporains: études et portraits littéraires. 1. Paris, 1886. P. 128).

(11) Mais, à le considérer comme auteur de romans, M. Alexandre Dumas est un *épigone* qui prend tout doucement sa condition d'*épigone* comme elle est. Ce que ses devanciers ont pu composer de beaux ouvrages ne le tourmente point <Если же рассматривать его как романиста, то г-н Александр Дюма — *эпигон*, легко принимающий свое положение *эпигона*. То, что его предшественники смогли создать прекрасные произведения, нисколько его не смущает> (Weiss J.-J. Le théâtre et les mœurs. Paris, 1889. P. 129).

К концу 1890-х гг. это значение кажется уже не просто узуальным, а доминирующим. В 1904 г. критик Адольф Боссер сможет даже позволить себе каламбур, говоря, что роман Иммермана «Эпигоны» «сам является эпигонским сочинением, местами слишком напоминающим "Вильгельма Мейстера"» <le roman lui-même est un travail d'Épigone, et rappelle trop par endroits *Wilhelm Meister*...> (Bossert A. Histoire de la littérature allemande. Paris, 1904. P. 650). В этом значении слово *épigone*₄ преодолело границы того, что можно назвать «книжной культурой», и, по меньшей мере, с последнего десятилетия XIX в. начало широко употребляться в устном общении. В то же время присущее ему изначально нейтральное значение 'последователь, наследник' закрепилось исключительно на высоком «книжном» стиле и в настоящее время почти не узуально, ср.:

(12) Ainsi disparut du monde, et presque de l'histoire, ce remarquable *épigone* d'une race défailante. Ses initiatives hardies, ses vues réformatrices, son infatigable activité, les misères même qui avaient abrégé sa vie, tout cela s'évanouit bientôt dans le fracas, dans le chaos et les calamités sans nombre de la Guerre de Cent Ans <Так исчез из мира и почти из истории сей замечательный *наследник* слабеющей династии. Его смелые инициативы, его реформа-

торские взгляды, его неутомимая деятельность, даже и сами несчастья, укоротившие его жизнь, все это скоро забылось в грохоте, хаосе и бесчисленных бедствиях Столетней войны> (Rev. mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris, A. 11, 1901. P. 362).

3. Выводы

Наши наблюдения, укладывающиеся в жанр «истории слов», позволяют заключить, что процесс лексикализации фр. *épigone* весьма своеобразен.

1. Прежде всего, мы вправе говорить о наличии во французском языке нескольких апеллятивных омонимов, из которых по меньшей мере два являются дериватами имен собственных, при этом в обоих случаях соответствующие лексемы заимствуются во французский — из итальянского и немецкого — уже с апеллятивным значением. При этом статус проприальных этимонов этих двух слов различен: в отличие от образованного традиционным путем эпонимического термина *épigone*₁, *épigone*₄ восходит не к личному имени, а к лексеме, функциональный и денотативный статус которой весьма специфичен. Помимо этого необходимо принимать во внимание наличие уже в греческом нескольких омонимичных лексических единиц, расположенных в разных зонах семантической шкалы «апеллятив — оним». Наличие в языке-источнике омонимичной апеллятивной лексемы подготовило развитие апеллятивного значения у деонима, восходящего к греч. οἱ Ἐπίγονοι, во французском и немецком языках, причем, по всей видимости, независимо. Кроме того, такая ситуация создает возможность для параллельного независимого заимствования слова во французский язык из немецкого (ср. контексты 4, 5, 7) и греческого (ср. у Шаля и Ренана), причем из греческого, если этот путь заимствования реален, по всей видимости, заимствовалась непосредственно апеллятивная лексема, что, в свою очередь, ставит под сомнение исключительно отономастический путь образования *épigone*₄.

2. Существенной проблемой при изучении путей проникновения и лексикализации таких имен в современные языки является тот факт, что заимствование могло происходить как непосредственно из древних языков с независимым формированием у них апеллятивных значений параллельно в нескольких новоевропейских языках (например, на основе переносных употреблений, встречающихся уже в античных источниках), так и из одного из соседних новоевропейских языков, где это имя раньше приобрело апеллятивное значение. Во втором случае возможно и обратное семантическое заимствование. Так, первичным апеллятивным значением фр. *épigone*₄ является 'последователь, продолжатель', метафорически развивающее первичное как для греческого, так и для немецкого значение 'наследник, потомок'; значение 'подражатель, неоригинальный последователь' вторично, хотя, насколько можно судить, оно впервые появляется именно на французской почве, что подталкивает рассматривать развитие этого же значения в немецком языке (где значение 'наследник, продолжатель', как и во французском,

более не узуально) как семантический галлицизм¹³. По этой причине историко-этимологическое описание такой лексики в словаре должно не только дифференцировать случаи отономастической деривации в изучаемом языке и случаи заимствования лексемы в апеллятивном значении, развившемся уже в языке-источнике, но и учитывать возможность проникновения имени с апеллятивным значением (или самого значения) из третьего языка. При этом в методологическом отношении существенны:

а) датировки, причем датировки фиксаций слова как в изучаемом языке, так и в других языках, которые могли оказать влияние на развитие семантики описываемого имени (учитывая, что исторические словари даже крупных европейских языков не всегда содержат эту информацию, решение этой задачи часто требует от лексикографа дополнительных усилий);

б) тщательное изучение развития и варьирования семантики деонима, учет его потенциальной многозначности, что помогает выявить случаи вторичных семантических заимствований;

в) учет грамматических трансформаций, сопровождающих семантическую деривацию (так, в случае фр. *épigone*₄ существенно появление у деонима формы единственного числа, которую необходимо отличать от формы единственного числа, например, заимствованного греческого апеллятива; в данном случае эта грамматическая трансформация произошла, очевидно, в немецком языке).

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1. М., 1958.

ИНЛ — История немецкой литературы : в 5 т. Т. 3 (1790–1848). М., 1966.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Barré L. Complément du Dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1881.

CHGL — The Cambridge History of German Literature. Cambridge, UK, 1997.

CPJ — Corpus Papyrorum Judaicarum. Vol. 1–3. Cambridge, MA, 1957–1963.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. [Electronic resource]. URL: <http://www.dwds.de>

Guisan G. Ernest Renan et l'art d'écrire. Genève, 1962.

Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. T. 7. Paris, 1870.

Laveaux J.-C. Nouveau dictionnaire de la langue française. T. 1. Paris, 1820.

¹³ По всей видимости, сходный механизм имел место в английском, где *epigone* в значении 'наследник, последователь' фиксируется с 1865 г. и, по всей вероятности, является немецким заимствованием [MWD]. Более же позднее значение 'подражатель', очевидно, также развивается под влиянием французского языка. Применительно к русскому языку корректнее было бы говорить о лексическом заимствовании уже в значении 'подражатель', однако, учитывая сравнительно позднее появление этого слова (в [НКРЯ] самая ранняя фиксация относится к 1902 г., относительно широкое употребление это слово приобретает лишь к 1920-м гг.), для него сложно однозначно установить язык-источник.

- Leibacher-Ouvrard L., Maher D.* *Épigone, histoire du siècle futur* (1659) par Michel de Pure. [s. l.] : Presses de l'Université Laval, 2005.
- Leroy S.* De l'identification à la catégorisation. L'Antonomase du nom propre en français. Louvain ; Paris ; Dudley, MA, 2004.
- LGPN — Lexicon of Greek Personal Names. [Electronic resource]. URL: <http://www.lgpn.ox.ac.uk>
- Liddell H. G., Scott R.* *A Greek-English Lexicon*. 7th ed. New York, 1883.
- Littre E.* Dictionnaire de la langue française: supplément... Paris, 1886.
- Morandini d'Eccatage F.* Grand dictionnaire des rimes françaises: enrichi des nouveaux termes de la langue... et donnant pour la première fois la définition spéciale de tous les termes en général. Paris, 1886.
- Moréri L.* Le grand dictionnaire historique, ou Le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane. T. 1, Partie 2. 3ème éd. Lyon, 1683.
- MWD — Merriam-Webster Dictionary. [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
- Oates J. F.* The Status Designation: Πέρσης, τῆς ἐπίγονῆς. New Haven, 1963.
- Reynaud L.* L'influence allemande en France au XVIIIe et au XIXe siècle. Paris, 1922.
- TLFi — Le Trésor de la Langue Française informatisé. [Electronic resource]. URL: <http://atilf.atilf.fr>

Рукопись поступила в редакцию 03.07.2012 г.

D. V. Spiridonov

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
dmitri.v.spiridonov@gmail.com

ON THE WAYS OF LEXICALIZATION OF THE FRENCH *ÉPIGONE* 'FOLLOWER, IMITATOR' (in Addition to the Article by E. Dupraz and S. Leroy)

Key words: French language, deonym, lexicalization, cross-linguistic transfer, lexical loan, semantic loan.

The article analyzes the history of the French word *épigone* 'follower, imitator' as well as some general questions of historical and etymological description of the French derivatives from "ancient proper names". The author maintains that for this type of words it is often possible to suggest multiple ways of lexicalization, the semantic development of the deonym resulting *inter alia* from semantic loans, either direct or inverse, between living languages under intense contact.